

ПРЕВРАЩЕНИЯ

28 ДЕК 1982

Может быть Пожаромовод
Г. Москва

Что за несносное создание! Злобное. Подлое. Живое. Бабочкам — отравляет крылья. Чужие произведения — крадет. Чужую невесту — уводит. Чужие успехи — присваивает. Ничтожное существо сосредоточило в себе уйму самых отвратительных качеств.

Но все вокруг — в упоении. Осыплют господина Циннобера почестями, лаврами, носят на руках. Лишь в сказках возможна фантастическая карьера плута и плагиатора.

А все почему? Потому что однажды некая прекрасная фея во вред сказочному князю воспользовалась своей волшебной властью. Пожалела сына бедной крестьянки Лизы — уродливого рыжего крошку Цахеса и подарила ему камзол.

А камзол — волшебный. Сбрось его — и вмиг колдовство кончится. Окружающие прозреют и увидят, что «силнее кошки зверя нет». Аналогичную историю рассказал в прошлом столетии Эрнст Теодор Гофман. А теперь его сказку станцевал «Московский классический балет» в постановке художественных руководителей, лауреатов Государственной премии СССР Натальи Касаткиной и Владимира Василева.

Еще неизвестно, какие чудеса скрыты за светлым полотнищем занавеса. Но уже выпрыгнул на авансцену Арапчонок — В. Кураева. Сквозь огромный зал Кремлевского Дворца съездов в наряде восемнадцатого века проходит скрипач (В. Зильбер). А вот и маэстро — А. Виноградов. Краткий церемониал рукопожатий с Музыкантом (А. Куделин), Философом (И. Терентьев), Живописцем (В. Трофимчук). Все готово. Действие начинается.

МЫ ПОПАДАЕМ в удивительную страну, сочиненную художницей Татьяной Бруни. Там остроколючие черепичные кровли, золотые шпильки, зеленые деревья в мгновение ока перевернутся, и некогда веселый сказочный городок погрузится в глубокую черно-бархатную тьму.

Там рядом с почтенными (но весьма смешными) бюргерами и бюргершами, князем Деметрием (В. Волошин) — приурковатым и излишне доверчивым — живут совершенно непостижимые белоснежные птицы, звери, Лебеди (О. Павлова и В. Касацкий), Павлин (Н. Данилова), Грифон (О. Соколов) спрашивают таинственный выход Феи Розабельверде, Пегасы (С. Кубасова и М. Трофимов) с единорогами (Т. Палий и М. Владимиров) сопутствуют своему повелителю магу Просперо Альпанусу.

Вся эта необычайная ком-

пания является ко двору и... дает балетное представление — спектакль в спектакле. Действующие лица одеты по эскизам Бруни. Причудливые, изысканные, идеально соизмеренные жанру и хореографии костюмы образуют единственный в своем роде ансамбль. А каждый костюм в отдельности — настоящая драгоценность.

Знанием природы балета и законов сказочного балетного спектакля отмечена режиссерская, балетмейстерская, сценарная концепция. Касаткина и Василев с их интеллектном столкновении и взаимодействии характеров взаимноисключающих, полярно-противоположных смело и решительно чередуют внутренние конфликтные пластически-танцевальные системы.

Сатирически резкие краски в обрисовке жителей княжества предельно сконцентрированы в облике и в образе Господина Терпина — в сатиричном и резком исполнении С. Белорыбкина. Комедийные приемы введены даже в роль лирической героини Кандиды, и В. Тимашова всячески акцентирует потешные штришки в натуре своей героини — сластены, лакомки, избалованной дочки.

Высокая, одухотворенная классика (однако не без улыбки) — такова речь Феи Розабельверде — юной, озорной и насмешливой в интерпретации Г. Шляпиной и, пожалуй, слишком серьезной в прочтении А. Сердюк.

Языком классического танца — стремительного, гармоничного, утверждающего добро и красоту — изъясняется А. Горбачевич в вариациях Мага Просперо.

БАЛЕТМЕЙСТЕР С К А Я щедрость по части сочинения самых разноплановых соло, дуэтов, трио, квартетов, малых и крупных ансамблей воистину расточительна. Радостно выстраивают постановщики свой, Гофманом навеянный, Театр, где все и вся подчиняются танцу.

Танцу лирическому и светлому, воплощенному С. Исаевым с такой поэтической теплотой. Конечно, ведь его новый герой — поэт. Недаром мечтательно Балътазеру покровительствует сам великий Маг. А, помимо покровительства столь могущественного волшебника, Балътазеру обеспечено постоянное сочувствие, сострадание, интерес Арапчонок — этой подвижной, занятой души всего спектакля.

Танцу гротескному, задорно-обличительному подчинена необыкновенная история Цахеса. Пожалуй, оборотом Цахес — лучшая роль Н. Шалашновой. Ее техническая искусственность, ее пластическая податливость соединились тут с настоящей актер-

ской выразительностью. Достойны внимания переключения из смешного в драматическое, намеченные постановщиками и реализованные балериной и всеми участниками. Конечно, возвышение господина Циннобера, его вельможные претензии более чем смешны. Но совсем не до смеха, когда преображенный Цахес гонит Лизу. И совсем не до смеха, когда жизнь целого княжества подчиняется агрессивному ритму волеизъявления шестивого во главе с крошкой Цахесом. Потешаясь над господином Циннобером, здесь не забывают о философском смысле мудрой сказки Гофмана.

За внешним блеском, за сказочной декоративностью сюжетными сюрпризами нового спектакля скрыт огромный, емкий труд.

Труд балетмейстеров — репетиторов Т. Попко, А. Плисецкого, Н. Таборко, Н. Азарина. Труд всех музыкантов во главе с А. Виноградовым. Труд исполнителей, особенно сложный и даже мучительный, поскольку музыка Н. Каретникова, к сожалению, далека от идеала балетной партитуры. Нехватка драма тургического развития, почти полное отсутствие красивых выразительных и хотя бы достаточно протяженных мелодий, некоторая жесткость инструментовки...

КАК БЫ ТАМ ни было, спектакль движется (хотелось бы, чтобы продвижение действия было динамичней!) к счастливому финалу. И вот уже в помине нет господина Циннобера — один камзолчик остался. И, как положено сказочному балету, все кончается роскошным, торжественным, импозантным большим классическим па.

Но тут же вслед за пленительным адажио четы обвенчанных Кандиды и Балътазера и четы волшебников Розабельверде и Альпануса, начинается блестящая комическая кода — прощание участников с публикой.

Лихо пляшут уже в своем подлинном обличье Н. Шалашнова с В. Шеховцевым. Жеманными реверансами приветствуют публику обитатели сказки. Виртуозной вариацией сверкает В. Кураев — Арапчонок. Увлекательная игра в театр продолжается до последнего мгновения.

И расставаясь с ироничным, эффективным, нарядным зрелищем, вспоминаешь... сказки Евгения Шварца о замечательных постановках Николая Акимова. Очевидное родство идей и устремлений. Сходство пронизательной и человеческой мудрости. Близость понимания комического на сцене...

Е. ЛЕОНИДОВА.